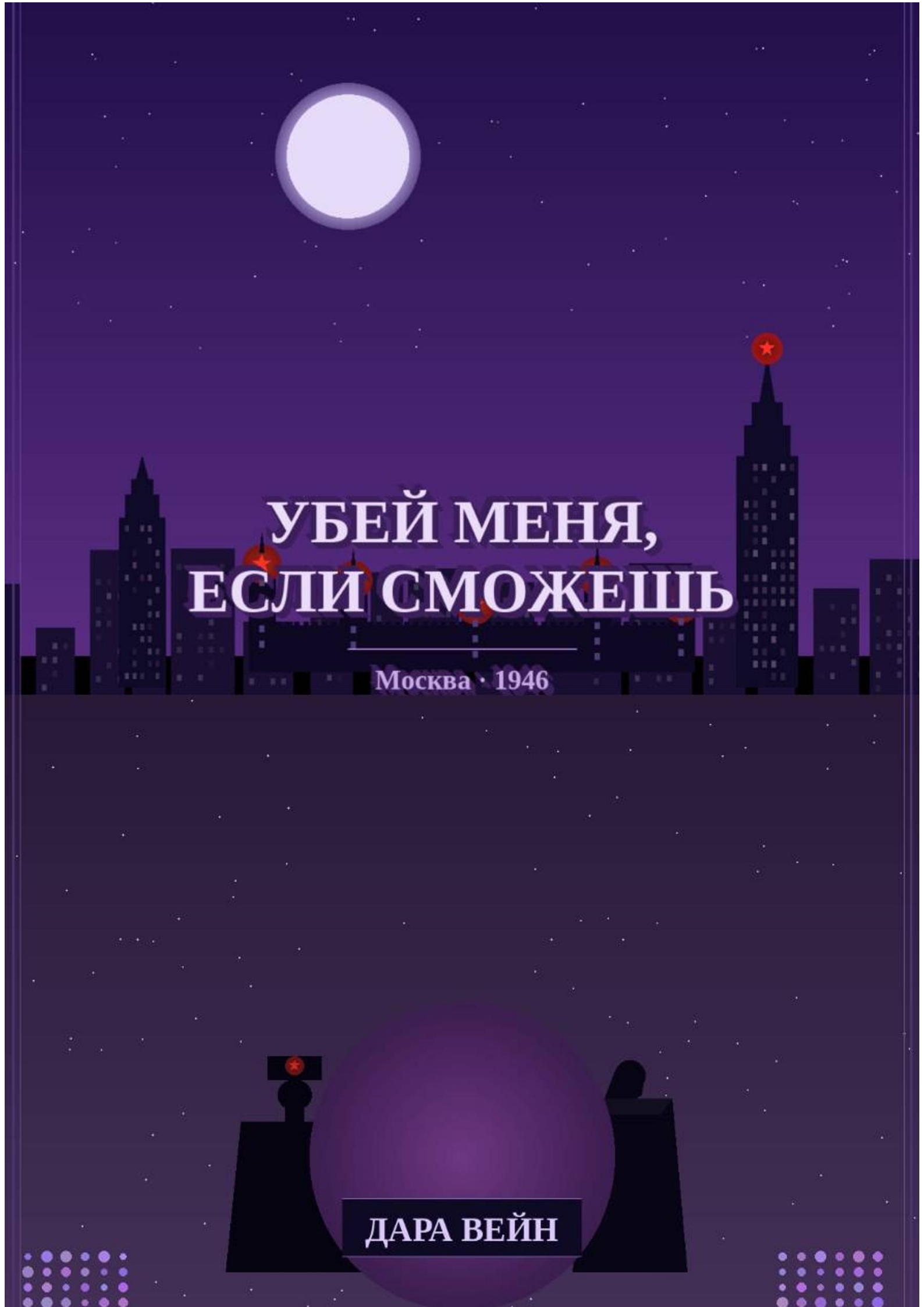

УБЕЙ МЕНЯ, ЕСЛИ СМОЖЕШЬ

Москва · 1946

ДАРА ВЕЙН

Дара Вейн

«Убей меня, если сможешь»

«Автор»

2026

Вейн Д.

«Убей меня, если сможешь» / Д. Вейн — «Автор», 2026

Москва, 1946 год. Город залечивает раны войны, но кто-то продолжает собирать свою жатву — в квартирах ответственных работников находят трупы с перерезанным горлом. Чистая работа, без следов, без свидетелей. Старший лейтенант МГБ Алексей Воронцов выходит на след бывшей агентессы немецкой разведки Лии Кирсановой — и теряет голову. Она мстит за мать, расстрелянную по доносу. Он обязан её арестовать. Но вместо наручников приносит ей цветы. Их любовь — это бегство от системы, от долга, от самих себя. И финал, который Алексей выбрал сам.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Дара Вейн

«Убей меня, если сможешь»

УБЕЙ МЕНЯ, ЕСЛИ СМОЖЕШЬ

Москва, 1946 год

Роман

Пролог

Он знал её запах прежде, чем увидел лицо.

Лиловый цветок — так пахла её помада, или духи, или волосы — он так и не узнал, потому что в ту ночь на Кузнецком мосту она прошла мимо, и ветер донёс до него только это: сиреневую горечь, как будто где-то рядом цвела заброшенная сирень. Алексей остановился. Не от любви — отчего там останавливаться? Просто запах был не ко двору. Москва пахла мокрым асфальтом, дёгтем, дешёвым табаком «Казбека» и керосином из ночников, которые ещё не везде заменили на электричество. А тут — лиловый цветок. Среди руин и залатанных фасадов.

Она шла быстро, не оглядываясь, в добротном пальто с меховым воротником, и пальто это было не из тех, что носят в сорок шестом году в Москве просто так. Он знал цену вещам — четыре года в контрразведке СМЕРШ научили его читать людей по обуви и швам, как книги.

Алексей Иванович Воронцов, старший лейтенант Министерства государственной безопасности, проводил её взглядом до поворота и пошёл дальше. В тот вечер он шёл на встречу, которая определила бы его жизнь. Но, выходит, определила другая.

Глава 1. Осколки

В МГБ его ценили и побаивались. Это было нормально — побаиваться своих, когда чужие повсюду. Война кончилась год назад, а враги не кончились. Они просто переоделись. Теперь это были не эсэсовцы с автоматами, а неизвестные лица, грабящие квартиры ответственных работников, убивающие военкомов и снабженцев, пускающие под откос товарные поезда. В стране, которая потеряла двадцать семь миллионов, каждый новый труп казался особенно невыносимым, словно война продолжала собирать жатву — но уже не на полях, а в тёмных московских переулках.

Алексей занимался этим делом уже три месяца. Серия краж со взломом в квартирах на Кропоткинской и Арбате, два убийства — полковника интендантской службы Гущина и профессора-химика Ливанова. Оба убиты ночью, обоих нашли с перерезанным горлом. Чистая работа, без лишних звуков. Никаких свидетелей, никаких отпечатков, никакого оружия на месте. Только пропавшие ценности: у Гущина — золотые монеты царской чеканки, которые он, видимо, припрятал на чёрный день; у Ливанова — коллекция платиновых портсигаров и что-то ещё, что так и не удалось установить из описи, потому что вдова профессора путалась в показаниях и плакала.

— Третий за месяц, — сказал полковник Кравцов, закрывая папку. — Ты понимаешь, что это не просто вор. Это кто-то со школой.

— Со школой? — переспросил Алексей.

— Гущина убили идеально. Ни капли крови на одежде, ни звука. Соседи спали. У Ливанова — то же. Кто-то учился резать профессионально. Либо фронтовик, либо... — Кравцов помолчал. — Либо из наших. Или из ихних.

«Ихних» означало — бывших абверовских агентов, диверсантов, которые могли остаться на территории СССР после войны. Алексей сам допрашивал одного такого в сорок пятом, в Кёнигсберге. Тот рассказал, что немецкая разведка готовила женщин-агентов — учили их

убивать, проникать в доверие, уходить незамеченными. Но то были агенты-радистки, агенты-связники. Не домушницы.

— Мне нужна оперативная группа, — сказал Алексей.

— Тебе нужен результат, — ответил Кравцов. — Группу дам. Но ты, Воронцов, не делай из этого войну. Ты хочешь ловить шпиона — лови. Но не раздувай. Если это просто уголовник — пусть МУР занимается. Нам живые шпионы нужны, не мёртвые полковники.

Алексей кивнул и вышел.

В коридоре Лубянки пахло, как всегда: казённым мылом, папиросным дымом и страхом. Третьего — не так сильно, как в тридцать седьмом, по рассказам старших товарищей, но достаточно. Алексей привык. Он вообще ко многому привык за войну — к мёртвым, к чужой крови на рукаве шинели, к тому, что руки перестали дрожать перед тем, как вести на допрос. Но к одному он не мог привыкнуть: к пустоте. Она была дома, в комнате на Большой Бронной, где он жил один. И на службе, где все дела кончались одинаково — протоколом, папкой, архивом. И в голове, где не было никого.

Ему было двадцать восемь. Он не был женат. Был — до войны, в сороковом. Жена погибла в сорок первом, при бомбёжке. Он узнал об этом через полгода, и известие не ударило его так, как он ожидал, — он просто перестал писать письма по несуществующему адресу. Тогда он ещё не знал, что научился не чувствовать. Он думал, что умеет терпеть. Потом, к сорок четвертому, понял разницу.

* * *

В тот вечер, когда он учуял лиловый запах на Кузнецком, он шёл в кафе «Националь» — не по службе. Кравцов велел всем сотрудникам «вечером не сидеть по домам, а выходить в народ, слушать, дышать». Это не было развлечением. Это была работа: в ресторанах, кафе и парках вербовались агенты, передавались слухи, завязывались знакомства, которые потом вели к делам. Алексей не любил кафе — но приказы не обсуждаются.

В «Национале» играл джаз. Не настоящий — из репродуктора. Вальтер велел крутить немцев: «Лили Марлен» в советской обработке, которую кто-то в Радиокомитете аранжировал так, что звучало как марш, а не как песня. Алексей сел за столик в углу, заказал сто грамм водки и котлету по-киевски, развернул «Правду» — для маскировки, потому что котлета по-киевски стоила сорок рублей, и позволить её себе он мог только если совмещал ужин с работой.

Она вошла через минуту после него.

Та же — с Кузнецкого. Лиловое пальто, светлые волосы под платком, маленькая сумочка. Она села за стойку, не раздеваясь, попросила чаю и сидела, глядя в окно. Алексей увидел её профиль — прямой нос, высокие скулы, тёмные брови, чуть сдвинутые, будто она о чём-то сосредоточенно думала. Лицо было красивое, но не так, как бывают красивы русские женщины в кино, — мягко, тепло, с ямочками. Нет. Это лицо было как холодная монета: чеканное, точное, без лишнего.

Она не пила чай. Она ждала.

Алексей допил водку, съел половину котлеты и наблюдал. Она проверяла что-то — не зеркальцем, не взглядом, а чутьём. Несколько раз обернулась, быстро, коротко, — проверяла, нет ли хвоста. Это был жест человека, который привык ходить за гранью.

Школа, — подумал он. И в тот же миг она посмотрела на него.

Прямо. В упор. Без испуга, без вызова — просто проверила его, как проверяла улицу. И отвернулась. Но Алексей успел увидеть её глаза: серые, большие, с тёмной окаёмкой. И в этих глазах не было ни страха, ни вызова. В них было усталое спокойствие человека, который очень давно не отдыхал.

Она ушла через десять минут. Не допив чай. Оставив деньги на стойке. Алексей проводил её до двери, вышел следом — но на улице уже стемнело, и она растворилась в сумерках, как дым.

Он вернулся, допил холодный чай из её стакана — просто так, чтобы чем-то занять руки, — и ушёл домой.

Дома он не мог уснуть. Лежал на продавленном диване, смотрел в потолок, на трещину, которая шла от угла к центру, и думал. Не о деле. О лице. О серых глазах. О том, как она оглянулась — быстро, привычно, как зверь, который знает, что за ним охотятся.

Он думал: она проверяет хвост. Она проверяет хвост, как агент. Она ждёт кого-то в кафе, но не встречается, потому что заметила меня. Или — потому что заметила кого-то другого. Она в добротном пальто, которое стоит больше, чем я получаю за два месяца. Она ходит одна, без сопровождения, в городе, где женщина одна вечером — это либо отчаянная, либо та, кому не нужен провожатый.

Надо проверить, — подумал он.

И тут же, рядом с этой профессиональной мыслью, — другая, тихая, не к месту:

Какие у неё были пальцы. Длинные, тонкие. И нервные. Она постукивала по стойке. Беззвучно. Как музыкант.

Он перевернулся на бок и закрыл глаза.

Глава 2. Имена

Назавтра он запросил картотеку. Полковник Кравцов не спросил зачем — картотека была открытой для оперативного состава, и Алексей числился в группе по серии убийств. Он искал женщин. Несовершеннолетних в сорок первом — значит, родившихся между двадцать третьим и тридцатым годом. Рост — средний, волосы — светлые, глаза — серые. Обучение за границей или в оккупированных районах. Связь с немецкой разведкой. Нахождение на территории СССР после мая сорок пятого.

Система дала ему четыре карточки. Две — арестованные и расстрелянные в сорок втором. Одна — агент Abwehrstelle, работавшая в Минске, осуждена на десять лет, сидит в Темникове. Четвёртая — разыскиваемая. Кирсанова Лидия Андреевна, 1925 года рождения, уроженка Смоленска. Во время оккупации — предположительно завербована немецкой разведкой, прошла подготовку в разведшколе под Оршей. Специальность — «проникновение», то есть внедрение в квартиры и дома интересующих лиц. Физическое устранение — обучена. Внешность — приметы сходные. После освобождения Смоленска в сорок третьем — след теряется. Родственники — мать расстреляна немцами в сорок первом, отец — воевал, пропал без вести в сорок втором. Братьев, сестёр нет.

Алексей перечитал карточку дважды. «Проникновение». Это значило, что Кирсанова умела входить в дома, нравиться людям, вызывать доверие. И — в нужный момент — исчезать вместе с ценностями или вместе с жизнью.

Он закрыл папку и посмотрел на фотографию. Чёрно-белая, мутная, из немецкого досье, захваченного в сорок четвертом. Лицо в три четверти, светлые косы, уложенные короной. Девочка. Ей здесь семнадцать. Лицо ещё не обрело ту чеканную точность, которую он видел вчера в кафе, — оно было детским, круглым, с полными губами. Но глаза — серые, с тёмной окаёмкой — были те же.

— Нашёл? — спросил Кравцов, заглянув в кабинет.

— Может быть, — ответил Алексей. — Кирсанова. Разыскиваемая.

Кравцов взял карточку, повертел.

— Кирсанова... Слышал. Её искали в сорок четвертом, потом бросили — не до того было. Ты думаешь, это она грабит квартиры?

— Не просто грабит. Гуцин и Ливанов — это не кражи. Это ликвидации.

— Или самооборона, — сказал Кравцов. — Если полковник Гуцин её застукал за кражей, а она умела резать...

— Умела резать — это не значит, что режет всех, кто застучает. Это профессионал. Профессионал не убивает без необходимости. Гуцин был один дома, дверь закрыта. Если она проникла тихо, он не должен был её заметить.

— Тогда зачем убивать?

— Не знаю, — сказал Алексей. — Но хочу узнать.

Кравцов вернул карточку.

— Узнавай. Но тихо. Возьмёшь её — допрашивать будешь сам. Лично. Без показухи.

— Есть.

— И Алексей...

— Да?

— Не увлекайся. Ты знаешь, что я имею в виду.

Алексей не знал. Или не хотел знать.

* * *

Он начал с наблюдения. Это была скучная, изматывающая часть работы, без которой не было ничего остального. Алексей знал это и не торопился. Нанял двоих наружников — парней из МУРа, которых ему одолжили «на время», — и расставил их в районах, где были жертвы: Арбат, Кропоткинская, Остоженка. Сам он дежурил у кафе «Националь» каждый вечер, с семи до десяти, меняя одежду и столики.

Через неделю наружники доложили: на Арбате видели женщину, похожую по описанию. Светлые волосы, добротное пальто. Заходила в подъезд дома номер двенадцать, выходила через сорок минут. Подъезд — жилой, квартиры военных и партийных. Алексей проверил по списку: в этом доме жил подполковник Тыртышный, сотрудник Военной прокуратуры.

— Зачем она к нему ходила? — спросил он наружника.

— Не знаю, товарищ старший лейтенант. Она вышла с пакетом.

— С каким?

Маленький, в бумагу свёрнутый. И улыбалась.

Алексей выписал адрес Тыртышного и его служебную характеристику. Подполковник, сорок один год, вдовец, без детей. Орден Красной Звезды, два ранения. Характеристика — отличная. Не пил, не жаловался, не выступал. Ничего особенного.

Или она его вербует, — подумал Алексей. — Или он её любовник. Или она обирает его потихому, и он не знает, что обирают, потому что она умеет так обирать, что не замечают.

Он не успел это додумать, потому что в тот вечер она пришла снова.

В «Националь». В том же лиловом пальто. Села за стойку, попросила чаю. Алексей сидел в углу, за газетой. На этот раз он был готов.

Она оглянулась — привычно, быстро. Потом отпила чай. Потом — и это застало его врасплох — повернулась к нему и сказала:

— Вы за мной следите третий день.

У него не дрогнул ни один мускул.

— Простите?

— Я говорю: вы следите за мной. Третий день. Вас легко узнать — вы сидите в одном и том же углу и прячетесь за «Правдой», которую не переворачиваете.

Алексей сложил газету.

— Вы наблюдательны.

— Я выживаю, — сказала она. — Это разные вещи.

Она говорила ровно, спокойно, с лёгким акцентом, который он не мог определить. Не западный, не южный. Что-то среднее — может, смоленский, может, белорусский. Голос был низкий, с хрипотцой, как у курильщицы, но она не курила.

— Как вас зовут? — спросил он.

— А как вас?

— Алексей. Алексей Иванович.

— Очень приятно, Алексей Иванович. А меня — Лида.

— Лида... и?

— Просто Лида. Этого достаточно.

Она улыбнулась. Улыбка была короткой и ничему не обязывающей, но Алексей увидел в ней что-то, что заставило его сердце сделать лишний удар. Не красоту — он видел красоту и раньше. А боль. Она улыбалась так, как улыбаются люди, которые давно забыли, зачем улыбка нужна, но помнят, как она выглядит.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказал он. — Почему вы думаете, что я слежу?

— Потому что я знаю, как выглядит слежка. А вы делаете её плохо.

Он хотел спросить, откуда она знает, как выглядит слежка. Но не спросил. Потому что понял: она знает, кто он. И он знает, кто она. И оба знают, что оба знают.

Это была не встреча. Это была проверка. Она пришла сюда, потому что увидела его на улице три дня назад — или раньше, в первый вечер, — и решила прийти снова, чтобы посмотреть, что он будет делать.

Она храбрая, — подумал он. — Или безрассудная. Или ей всё равно.

— Можно я сяду к вам? — спросила она.

— Садитесь.

Она перешла к его столику, села напротив, положила сумочку на колени. Он увидел её руки близко — длинные, тонкие, с обломанным ногтем на мизинце. Она перехватила его взгляд.

— Раньше я играла на рояле, — сказала она. — Теперь нигде.

— Жаль.

— Да. Жаль.

Они молчали минуту. Джаз из репродуктора сменился на «Утро красит нежным светом», и Алексей подумал, что никогда в жизни не чувствовал себя так нелепо — старший лейтенант МГБ, который должен арестовать эту женщину, сидит и слушает с ней песню.

— Вы живёте в Москве? — спросил он.

— Иногда.

— А сейчас?

— Сейчас — да.

— Давно?

— Достаточно.

Она отвечала односложно, но без грубости. Как человек, который не хочет врать, но и не может сказать правду. Алексей узнал этот тон — он слышал его на допросах. Так говорили люди, которые ещё не решили, будут ли говорить.

— Я бы хотел вас увидеть снова, — сказал он.

Она посмотрела на него — долго, внимательно, как будто читала что-то у него в лице.

— Зачем?

— Потому что мне интересно.

— Это опасно — быть любопытным в этом городе.

— Я знаю.

— Тогда вы должны знать, что иногда любопытство стоит жизни.

Она встала, взяла сумочку, и на секунду он почувствовал тот же запах — лиловый цветок, сиреневая горечь, — и подумал: она делает это сама. Духи. Она сама делает духи из чего-то, что пахнет сиренью, но не сиренью. Из ириса. Или из фиалки. Что-то, что цветёт в темноте.

— Приходите в четверг, — сказала она. — В семь. Сюда.

И ушла.

Алексей сидел, не двигаясь, и думал о двух вещах. Первая: она назначила ему встречу. Она — подозреваемая в двух убийствах — назначила встречу офицеру МГБ. Это значило, что она либо безрассудна, либо уверена в себе так, как может быть уверена только женщина, которая знает, что её не возьмут. Либо — ей нужен он. По какой-то причине, которую он пока не понимал.

Вторая мысль была проще и страшнее первой: он придёт.

Глава 3. Четверг

Четверг наступил, как наступает любая дата, от которой зависит жизнь: медленно, по частям, через утренний туман на Бронной, через скрип трамвая на повороте, через запах хлеба из булочной напротив, через протокол допроса мелкого валютчика на Петровке, через обед из щей и компота в столовой МГБ, где каша была всегда одинаковая — гречневая, с куском масла, которое плавало, как маленький жёлтый остров.

Алексей работал, но не работал. Тело двигалось — руки писали, губы говорили, глаза смотрели в папки, — но внутри всё было натянуто, как струна, и ждало семи часов.

В половине седьмого он пошёл домой. Переоделся: серую гимнастёрку сменил на штатский костюм — тёмно-синий, довоенный, единственный, который у него был. Костюм сидел на нём, как на стуле: плечи расправлены, талия подтянута, но ткань была истончена годами и стирками, и локти чуть блестели. Он погладил его утюгом, который грелся на керосинке, и подумал, что не помнит, когда в последний раз переодевался не для службы. Потом налил одеколон «Шипр» на ладони, провёл по щекам — бритвенно, привычно, — и посмотрел в зеркало.

Из зеркала на него смотрел человек, которого он не узнавал. Не потому, что изменился — а потому, что в первый раз за много лет в его глазах было что-то, кроме пустоты. Что-то маленькое, тёплое, как огонёк от спички в тёмной комнате. Он не знал названия этому. Или знал, но боялся назвать.

В без двадцати семь он был у «Националя». Занял тот же столик в углу. Заказал — не водку, а кофе. Кофе был из желудей, как всё в Москве, но горячий и горький, и это было достаточно.

Она пришла в семь ровно.

Не в лиловом пальто — в другом. Тёмном, почти чёрном, с воротником из стриженного кролика. Под платком — гладко причёсанные волосы, забранные назад. Она была тоньше, чем казалась издали: тонкие запястья, тонкая шея, ключицы, как крылья птицы под кожей. Но двигалась она так, как двигаются сильные люди — не торопясь, но заполняя собой пространство.

Она села напротив, и официант — пожилой, с усами, в белой куртке — подошёл, но она покачала головой.

— Мне ничего. Я не надолго.

— Тогда зачем вы пришли? — спросил Алексей.

— Потому что я обещала. И потому что хотела посмотреть на вас ещё раз.

— И как?

— Не знаю. Вы странный.

— Странный?

— Вы следите за мной, но не арестовываете. Вы смотрите на меня, но не спрашиваете, кто я. Вы приходите сюда в единственном костюме, который, кажется, единственный, и заказываете кофе из желудей, как будто это не кафе, а явочная квартира. Вы — или очень хороший актёр, или очень плохой шпион.

Алексей рассмеялся. Он не смеялся так давно, что звук собственного смеха показался ему чужим.

— А вы? — спросил он. — Вы хорошая актриса?

— Нет, — сказала она. — Я ужасная актриса. Я не умею притворяться. Я умею только исчезать.

Это было сказано просто, без вызова, без жалости к себе. Как диагноз.

— Лия, — вдруг сказала она.

— Что?

— Меня зовут Лия. Не Лида. Лидия — это по документам. Но мама звала меня Лия. Можете звать так.

Она назвала ему настоящее имя. Или имя, которое хотела выдать за настоящее — Алексей не мог знать. Но он почувствовал, как что-то сдвинулось, как будто дверь, которая была закрыта на все замки, чуть приоткрылась — на щель, на полпальца, на один вдох.

— Лия, — повторил он. — Красиво.

— Мама так думала. Папа хотел назвать Ниной. Но мама настояла.

— Ваша мама...

— Мертва. С сорок первого.

Она сказала это так, как говорят о погоде. Но Алексей видел, как дрогнули её пальцы — те самые, длинные, тонкие, — и сжались в кулак под столом. Она быстро разжала их и положила руки на стол, как будто хотела показать: смотри, они спокойны, они не дрожат.

— У меня тоже нет никого, — сказал он. — Жена погибла в сорок первом.

— Знаю, — сказала она.

Он замер.

— Вы знаете?

— Я много чего знаю о вас, Алексей Иванович. Вы — старший лейтенант МГБ. Служили в СМЕРШ. Награждены орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Москвы». Жили на Большой Бронной, в коммуналке, комната двенадцать. Жена — Вера, умерла при бомбёжке в октябре сорок первого. Вы узнали об этом в марте сорок второго.

Она говорила тихо, ровно, глядя ему в глаза. Алексей почувствовал, как по спине прошла холодная волна — не страх, а узнавание. Она знала о нём всё. Всё, что было в его оперативном деле. Или — всё, что было в чужом досье на него.

— Откуда? — спросил он.

— Это неважно.

— Важно. Для меня — важно.

— Хорошо. Я проверяла вас. Потому что вы следили за мной, и мне нужно было знать, кто. Вот и всё.

— Проверяли... как?

— У меня есть... знакомые. Которые умеют узнавать.

— Знакомые в МГБ?

Она улыбнулась — той же короткой, усталой улыбкой.

— Алексей Иванович, вы не можете не задавать вопросов. Это ваша природа. Но я не могу на них отвечать. Это моя природа. Мы можем так сидеть — и разговаривать о чём-нибудь другом. Или я уйду.

— Не уходите.

Слова вырвались раньше, чем он успел подумать. Он услышал свой голос — и голос был не офицера МГБ, не следователя, не контрразведчика. Голос был человека, который одинок так долго, что забыл, как звучит его собственный голос, когда он не врёт.

Она посмотрела на него — и в её серых глазах что-то дрогнуло. Не жалость — нет, она не выглядела как человек, способный жалеть. Что-то другое. Узнавание. Как будто она увидела в нём то, что видела в себе: человека, который живёт за стеной и не помнит, как её сломать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.